

РОЗА КИСС

БОЛЬ

XXXL

Роза Кисс

Боль ХххI

«Литнет»

2025

Кисс Р.

Боль Хххl / Р. Кисс — «Литнет», 2025

Кто ты? — адресую немой вопрос к похитителю: черный капюшон закрывает его лицо. Высокий рост вызывает ужас, а сила — способна убить все живое повсюду, на всей планете. Я этого не знаю. Я это чувствую. Ужасно больно сжимает виски и... я больше себе не принадлежу. Он украл меня. Похитил. Присвоил. И теперь Я — Его часть. Я превращаюсь во ЗЛО? Становлюсь злодеейкой? Не знаю. Но знаю одно: у него — мое лицо. _____ В тексте есть: - сильная героиня. Очень сильная - сложные вопросы - мистика - хоррор - БДСМ _____ ОТ АВТОРА: Обращаю внимание читателей, БДСМ здесь — скорее пугает, нежели возбуждает. Перед чтением необходимо трижды плюнуть через левое плечо. А если серьезно — вайб книги страшный. Перед сном читать разве что с ночником. Книга писалась на бешеных эмоциях автора в момент личного жестокого депрессняка. Тут нет шаблонов, клише. Здесь — моя невысказанная боль, в тот момент она была на максималках. Героиня жесткая. Цветочки и бабочки не порхают. Противостояние характеров. Финал — для героини ХЭ, а всех остальных она и не спрашивает.

© Кисс Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. В черном	5
Глава 2. Три пленника	7
Глава 3. Он боится меня	9
Глава 4. Сладко с двумя	11
Глава 5. Беспамятство	12
Глава 6. Страшный бал	15
Глава 7. Темная боль	17
Глава 8. Кошки-мышки	20
Глава 9. Боже Дай Сил Мне	21
Глава 10. Ты только не пугайся	24
Глава 11. Что им надо?	25
Глава 12. Правда	27
Глава 13. Верхом	29
Глава 14. Кровавые осколки	32
Глава 15. Обманом	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. В черном

— Верни. Мне. Меня.

Пытаюсь выговорить три слова, но они камнем застревают в горле.

Губы не двигаются. Только глаза выдают мой страх. А лучше бы его скрыть и не показывать.

Кто ты? — адресую немой вопрос к похитителю: черный капюшон закрывает его лицо. Высокий рост вызывает ужас, а сила — способна убить все живое повсюду, на всей планете.

Я этого не знаю.

Я это чувствую. Ужасно больно сжимает виски и... я больше себе не принадлежу.

Он украл меня.

Похитил.

Присвоил.

И теперь **Я — Его часть. И у него — мое лицо.**

Я лечу!

Выбираю любого на улице, грубо заламываю ему руки и сажаю в свой черный автомобиль — на свой вариант коня.

Я всадник. Мантия сзади развевается мрачным облаком.

Жертва визжит, пытается вырваться, смотрит на меня испуганно... еще бы, конечно, страшно...

Да-да-да, я понимаю. Страшно. Утю-тю, маленький мой...

Но ничего поделаться нельзя. Еще бы, ведь я — это Я.

Скотч, веревка, ключи от подвала, где никогда в жизни никто не бывает — все это у меня комплектом от Него.

Я знаю, чего хочу. Того же, что и Он.

По пути хватаю еще двоих, привычным движением связываю им руки, прямо посреди белого дня заталкиваю в машину, иногда даже в багажник...

А что, если места мало сзади?

Главное — есть место внутри. В душе.

За миг до рождения Он четко мне сказал — ты будешь выполнять мою волю: хочешь ты этого или нет.

Я сказала “да”. Вернее, своим ртом я произнесла Его ответ.

Клетки, бетонный пол и любимые железные кровати — там все припрятано для того, чтобы... любить.

Любить страх. Когда жертве становится панически страшно. Я вижу это по глазам, я это пью...

Я. Без этого. Не могу.

Потом мне покажется это бредом, я знаю, это бывало уже много раз, когда я размышляла...

... уже потом...

... считала, что так нельзя. Неправильно, мол, не надо так делать.

Раскаивалась даже по-настоящему.

Хах.

Но сейчас — это так.

И плевать, что наваждение когда-то кончится и я превращусь в совсем другого человека.

Внутренне. Только внутренне.

Но лицо останется моим. Поэтому я прячу его под глухой черной маской, когда выхожу на Охоту — летать по улицам города и забирать с собой всех, кого захочу.

Глава 2. Три пленника

— Отпусти... — Эрнестин хнычет, словно младенец. Надо напомнить ему про возраст — двадцать один раз розгами по спине.

Двадцать один.

Он дрожит, зуб на зуб не попадает:

— Прошу... умоляю...

Одним взглядом оставляю его голым. За руки, за ноги — к полу и потолку. И он распят — боже, как красив молодой парень, мужчина в самом расцвете сил, когда он... принудительно голый.

Принудительно.

Через силу.

Когда он **НЕ** раздевался сам.

Одно дело, когда мужчине нужен секс, он пристает к женщине и возбужденно сам себя раздевает.

Нет.

Это ерунда.

На мой взгляд — красота в другом. Она — в страхе. И сейчас я смотрю на связанного мужчину, распятого — руки-ноги — он не может двинуть ничем.

Ааах!

И это так хорошо! В его глазах — страх, когда я беру в руки свой любимый предмет...

... я его трогаю, любовно глажу рукоятку...

— Рраз, — голос внутри меня ведет счет, — два... три...

Сладко.

Спина мужчины покрывается ранами.

Перевожу взгляд на двух других — они покорно сидят, не могут пошевелиться. Да, мне такое удастся, когда Он...

...эта сущность в черном...

...на сто процентов владеет мной.

— Двадцать два!

Голос в голове смеется. Чувствую, как приподнимаются и мои уголки рта.

Перевожу взгляд — смотрю на сидящих и вижу в их телах ужас. Им так страшно, ведь они — ждут.

Еще бы!

Эрнестин, как младенец, сопротивляется порке. Он так протяжно стонет...

Ммм!

Ребята смотрят на Эрнестина, вдыхают воздух его стонов и начинают по-настоящему бояться за жизнь.

Все как я люблю.

Им невдомек кто за маской, но если постараются — то смогут со мной поиграть...

Черная маска на моем лице до той поры, пока я не захочу ее сдернуть и игриво рассмеяться. И в глазах жертвах, обычно, такой дикий страх...

Он так сладок — как сливочный коктейль, сладкий, взбитый, если туда добавить нотку ванили и капнуть немного сгущенки.

Сладко.

Нежно.

Хорошо.

Нет ничего лучше, чем страх перед предстоящим. Ожидание, волнение, страх — моя еда.

Эрнестин — не в моем вкусе, а потому я просто оставляю его связанным.

А вот красавчик Майлз — очень даже ничего.

И Джерри — он тоже хорош собой, но я заставляю его понервничать, пощекочу нервишки красавчика.

Помучаю.

Маню мальчишку к себе пальцем в черной перчатке:

— Иди сюда.

Глава 3. Он боится меня

Он голый, передо мной.

Я сижу, он стоит... я протягиваю руку и касаюсь пальцем его живота. Трогаю пупок — от напряжения парень аж вздрагивает, будто я не просто касаюсь, а бью его током.

Да, мой мальчик... Да!..

Так надо.

Потерпи.

Мягко веду палец вниз и с наслаждением замечаю, как в его глазах нарастает ужас. Да, мой пальчик скользит к его обнаженной плоти.

— Теперь ты, — игриво маню второго.

Майлз подходит и боязливо спешит выполнить мое желание. Очень надеюсь, что он это делает от души, а не потому, что испугался.

Не потому, что страшно...

Представлю, что им руководит отнюдь не страх!

Хах. Да, наивности мне не занимать.

Но это так, наивность — моя старая драная маска, совсем не-настоящая.

Я все понимаю.

Правильно.

Я все вижу по его глазам...

Майлз безумно напуган — это самое сладкое. Робко глядя на меня, он добровольно становится тем, кто мне сейчас больше всего нужен...

— Майлз, мой мальчик, я тебя жду!

Безумно боясь, он лихорадочно понимает чего мне от него надо. И... становится мужчиной, готовым меня улаживать.

Я давно положила на них глаз. Ну как давно — как мы начали учиться вместе, на одном курсе.

Я даже не смотрела в их сторону, чтобы не уподобляться всем однокурсницам. Надо было видеть, как девки хохотали, чтобы привлечь их внимание, как всей кучей поздравляли Майлза, заигрывали с Джерри, как каждая мечтала того или другого заполнить.

Еще бы, парни такие красавцы! Глаз не отвести!

А как девочки друг с другом за них соревновались... Не на жизнь, а на смерть! И.. ни одна не додумалась соревноваться со мной, потому что я тише воды-ниже травы, когда нахожусь в любом обществе.

Но когда я одна...

Наши силы не равны.

Равны, когда я без маски. Но когда у меня вместо лица черная тьма...

Я делаю все, что захочу.

Правда, потом я об этом не вспомню.

И ладно.

Главное — выполнить то, что требует Он: испытать страха до дна.

Двух красавцев я сталкиваю лоб ко лбу, а сама откидываюсь на спину.

Майлз послушно опускается, а Джерри начинает целовать мою грудь, ласкает языком сосок. Его язычок так проворно двигается — сначала сладко облизывает, а потом самым кончиком...

— Ммм, — выдыхаю, по телу прокатывается манящая искра, — ммм...

Кончик язычка начинает скользить вниз. От сосочка, который на прощанье он закусил, туда, где горячо и жарко.

— Ааах...

Обожаю момент, когда мужчина покорно опускается вниз. Когда он трудолюбив, нежен...

Когда он смотрит снизу вверх...

Сразу можно все простить!

Опускаю глаза...

Его голова между моих ног.

Лениво раздвигаю, чутьдвигаю бедра вперед, чтобы он мог обцеловать там все!

Да, надо-надо, мальчик!

Расслабляюсь, закрываю глаза и я знаю — он не причинит мне зла и боли по одной простой причине:

Он. Боится. Меня.

Глава 4. Сладко с двумя

Майлз мягко посасывает клитор, но постепенно входит во вкус и уже действует с напором — с силой разводит мои ноги в стороны.

— Ммм, — расслабленное, томное, довольное.

Мой стон разбудил в парне зверя, его язык начал бунтовать — трогать меня везде да так быстро, что лоно жадно сокращается...

Он видит и будто наказывает — пронирыливым язычком входит в мою щель. Ощущаю его горячий... скользкий... ласковый...

— Ммм, — мне нравится... да, мне это нравится... Еще!

Опускаю одну руку на голову Майлза, другой притягиваю к себе Джерри — милого мальчишку, затаившегося, который вот-вот заплачет и убежит.

Он моложе Эрнестина, по возрасту как Майлз — мы вместе одногодки, но Эрнестин нас всех старше. А потому он первый... Он должен был получить свое!

Джерри целует мою грудь. Блаженно закрываю глаза и выдыхаю:

— Да, мальчики... Да...

Оттягиваю его за волосы, смотрю на лицо — полные чувственные губы просто созданы для того, чтобы целовать меня.

Меня!

— Ммм...

Легкий подзатыльник — и он снова меня целует.

— Ну же, мальчик... Давай... Сильнее! Ммм...

Как и приказано — Джерри начинает работать наглее, схватывает зубами мой сосок, перехватывает пальцами и держит.

Выкручивает.

Зажимает.

Ммм...

— Хочу язычком...

Успокаивает — тут же переходит вниз, наперебой с Майлзом пытается тронуть язычком мой клитор.

Блин. Я имела в виду хочу язычком — про сосок. А он...

Впрочем, пускай!

Но, блин, они же там.. между моих ног... вдвоем просто передерутся!

— Ай-яй-яй, можно только кому-то одному!

Целует, выигрывает у Майлза право целовать мое лоно, касается щели язычком... По телу пробегает волна возбуждения, она распяляет, заставляет задрожать...

Майлз вводит язычок так, что мне хочется выгнуться...

— Ууу, — горячее срывается с моих губ.

Они вдвоем, два парня красавца, будто сговорились, они начинают действовать все наглей и наглей. Пальцы на соске, другой зубами касается клитора, меня жжет, ударяет мягким горячим током, заставляет дрожать...

— Кто вы? — в исступлении кричу, отталкиваю их головы и вижу вместо глаз Майлза и Джерри — черную непроглядную ночь.

Глава 5. Беспамятство

— Это ты? — ору в его темные глаза. Заглядываю — и вижу свое отражение. Иступленно смотрю и пытаюсь понять: игра была или... я сошла с ума.

Отдаляюсь от его глаз, моргаю и...

Все тут же испаряется.

Ночь.

Я у себя дома.

Уютная расстеленная кровать.

И только большое зеркало от пола до потолка не даст соврать: обнажаю перед ним грудь и вижу сосок — он весь в засосах.

Опускаю руку вниз — горячая влажная щель.

Это было.

Нет. На этот раз точно не приснилось.

Уверена.

Сто чертовых процентов.

А значит... этих воспоминаний у меня не отнять.

И каждый раз шарада — что будет на завтра? Как на меня посмотрят в универе эти двое, а если они... не дай бог... помнят все???

И сразу воспоминания — как туман: быстро-быстро расходятся по ветру. И я сижу в своей пустой комнате, устало зеваю и меня безумно тянет спать.

— Ты долго спишь, вставай! — радостный голос в трубке, — с добрым утром, милая!

— Пошел в жопу, Чарльз!

— В твою?

— Да иди ты...

Терпеть не могу такое отношение парней. Он мне — никто, а сколько гонору...

“А почему ты решила, что встречаться с тобой так почетно?” — как-то спросила мать, когда я пожаловалась на гонор Чарльза.

Я вздохнула и... не стала ничего отвечать.

— Тебя всю ночь не было в онлайн, вот я и решил набрать. Все нормально?

Странно.

Я по ночам всегда зависаю в сети.

Где же я была?

— Да я...

— Я не выведываю, не подумай. Я просто...

Чарльз — красивый парень, но...

— Алле-алле, — слышится в трубке.

— Да тут я... Ладно. Я правда не доспала сегодня...

— Я слышу по голосу. У тебя точно все хорошо?

Не понимаю что он прицепился, а потому говорю свое обычное “отъебись уже” и потом мягкое “пока”.

Парни любят контраст. Что же, в этом плане я — идеальный романтик: даю мужчинам то, чего они от меня так хотят.

Весь день как в бреду и как назло — дома никого из домашних: ни мамы, ни отца, ни даже малышки Розы, ни ее няньки.

А может я... опять...

Опять Он...

По коже проходит страх. Я совершенно не ощущаю когда Он это начинает, когда заканчивается и...

Только сверлит виски. И дальше все — темнота, пустота... я ничего не помню. А потом и вовсе забываю даже этот момент перехода, момент икс.

В награду остаются лишь неясные эмоции, дразнящие, бодрящие, которые долго живут в груди.

Встаю, утренний бутер и валяшки в ванной, либо горячий, а в конце контрастный душ. И впереди целый день!

Надо его увидеть, этот день! Не пропустить, не просрать! А то... совершенно не помню вчерашний вечер и всю вчерашнюю ночь.

Засосы на сосках — явно не просто так, но что же... Что могло происходить, если Он меня... опять...

Он делает это со мной против воли, словно насилует грубо и самодовольно — внедряется в меня, в мой мозг, мой разум и смотрит сквозь мои глаза на мир.

И ему хорошо!

А мне больно до ужаса, страшно до боли!

— Только не сейчас, — шепчу, руки вдоль тела скованы, в глазах затаился ужас.

Боюсь.

Он появляется из темноты, хотя только что было светло, и я опять становлюсь безвольной.

Его голос звучит в моей голове словно собственный поток мыслей, безоговорочных указаний, которые я тороплюсь исполнить не по своей прихоти.

Отнюдь. Совсем.

Он — мое все, и вместе с тем я его не знаю. Но вижу четко — огромный высокий силуэт, он подходит и еще не коснувшись — уже меня давит, поработывает, забирает.

Вселяется в меня.

Управляет мной через мозг. Мое тело становится безвольным, ум словно законсервирован — спрятан далеко и глубоко.

Я должна понимать все, но...

Он — мой рассудок на это время и Он думает за меня.

Он проникает внутрь, в мое тело — словно разряд электричества, от которого потом долго трясет.

Но это потом.

А сейчас мир становится маленьким, крошечным, словно на ладони ребенка — маленькая игрушка, причудливо переливающаяся. Стразинка, бисеринка, не более.

Свысока на нее смотрю-разглядываю.

— Кто я сейчас? — в попытке хоть как-то понять что происходит, задаю простой вопрос.

Он возвышает меня на башню темного замка, я вижу первую ночную звезду, темный горизонт и тут же кубарем лечу вниз, становлюсь меньше пылинки и мир превращается в хаос.

Страх сковывает, сжимает, сдавливает.

Я сдаюсь, — звучит в мозгу и Он требует это вымолвить.

Чудовищными усилиями заставляю себя промолчать и сказать другое — категорически, совершенно противоположное, вызвать его на спор:

— Я. Сильнее. Тебя.

Мир кубарем летит во тьму, я еле удерживаюсь на планете, чтобы не упасть с нее в пустоту. Скорость полета — как в страшном сне, предсмертном, когда тело агонизирует.

И я лечу. Обе руки скрещиваю, кладу на грудь, чтобы удержать вылетающее из ребер сердце и мысленно Ему обещаю:

— Я тебе отомщу.

Глава 6. Страшный бал

Вздрагиваю от видения как ото сна, со мной часто такое бывает — я многое вижу — скрытое. Дар предвиденья, — говорила мама, но она была не права.

Скорее, прав был отец — “Ты видишь Главного, кого все боятся. Лучше не разговаривай с ним, уходи”.

И я ушла. И долгое время не слышала, пока его голос не заговорил в моем мозгу.

— Элоиза, — час назад говорил отец, пока я тупо листала ленту в соцсети, — вы с друзьями точно решили так развлекаться? Это же настоящий взрослый бал!

Вздыхаю. Опять он за свое.

Бросаю телефон в сторону, кричу:

— Папа, да! Мне уже девятнадцать, я не маленькая! — а про себя договариваю “не такая маленькая, как всем кажется”.

— О чем речь? — на пороге моей комнаты появляется мама, — что вы там собираетесь?

Отец не дает мне сказать, смеясь рассказывает маме:

— Они хотят танцевать в темноте. Десять парней и одиннадцать девушек. Никто не увидит друг друга, а кто-то и вовсе будет один. Нет бы...

Мама перебивает:

— Ну это лучше, чем тусить не пойми где или идти в грязный обкуренный клубешник.

Ох, мама за меня. Пускай она с ним и разговаривает. Но папа не хочет слышать доводов, он троллит надо мной. Блин, ему реально смешно!

— Вот выдумают всякую ерунду, — он подходит ко мне, замечает наушник, — во, она даже нас не слушает!

— Да слышу я все!!!

— А я говорю — раз уж решили свечи, бал, маскарад — ну подумаешь, платья там, кринолины как триста лет назад. Ладно, хорошо. Но танцы в темноте... С масками на лицах. И кто-то еще без пары... Это вообще че??

— Ой, папа. Это не маскарад, это просто такое развлечение. И да, это я буду танцевать одна, — отнекиваюсь от разговора, смотрю в зеркало, поправляюсь. Из отражения на меня смотрит красивая блондинка с загорелым лицом. Разный цвет глаз — один болотно-зеленый, другой серый с темной поволокой — подчеркивает мою необычность, в детстве я стеснялась этого, а потом — поняла: так обозначается дар.

У всех, кто с даром — что-то необычное в облике. Жаль, что по мне это так очевидно, но что же теперь.

Еще раз кручусь перед зеркалом. Современный наряд, но с привкусом прошлого века — длинное платье в пол, я даже купила кринолин! От шляпки решила отказаться, но надела перчатки.

— Ммм, какая красивая, — похвалил отец.

Меня привезли на бал на дорожном папином автомобиле. Я могла бы сама, но...

Так захотел отец.

— Не забудь. Ровно в полночь...

— Да-да, твой рос-ройз превратится в тыкву.

— А ты сама?

— В гадкого лебедя, в кого же еще!

Отец меня оставляет, шепчет на ухо: “Мать что-то беспокойна. Будь добра — бери трубку, не выключай телефон. Подумай о матери, Элоиза, не заставляй ее нервничать. С алкоголем не переборщи, береги себя”.

В первые же два часа нас всех сморил алкоголь и, наконец, началось веселье.

— Ну, заходим все в комнатку, — молодежь отделяется от слуг и случайных взрослых, — бокалы можно положить вот тут, главное потом — не перепутать где чей, — веселый смех, тупые шутки.

Айрин продолжает:

— Вырубаем свет, музыку громче — Хачатурян, вальс Маскарад — и честно танцуем вальс, никто не халтурит в темноте!

Айрин, молодая девушка, организатор бала, всех пересчитала — все верно: одиннадцать девушек и десять парней.

— Кто-то один будет без пары. Девочки начинают, а парни присоединяются позже. Окей?

Я не смотрю ни на кого. У всех уже есть отношения, каждая девчонка ждет, что в темноте любимый найдет именно ее.

А мне нечего ждать.

Свет выключается и я просто танцую, вальсирую по кругу, главное, не наткнуться ни на кого.

Закрываю глаза, полностью растворяюсь в вальсе, музыка гремит, ее напевы настораживают, тьма проникает глубоко в сердце и я вздрагиваю, ощущаю левым предплечьем колющий электрический удар.

Меня начинает кружить с неистовой силой, я уже не помню про вальс — я куда-то лечу. Дыхание захватывает, душа замирает, сердце рвется из груди на волю, да только воли вне тела для него нет.

Безумная сила яростно кружит и чтобы не поддаться ей и не закричать от бешеного страха, я закрываю глаза...

Темный высокий замок.

Я сижу на крыше. Вижу себя словно со стороны — на мне длинный капюшон закрывающий лицо, я вся в черном с ног до головы.

И предо мной, как на ладони, весь наш игрушечный мир.

— Ты можешь быть здесь сколько хочешь, — отчетливо слышу, но даже не пытаюсь увидеть кто это. Такого желания внутри нет. Я подчинена Ему, он дергает мною словно за ниточки. И даже мои слова — вовсе не мои.

— А если навечно? — не понимаю зачем спрашиваю.

— Навечно — нет. Но можешь поиграть.

— Как?

— На, возьми пульт. Направляй его на арену, — и он целится в наш живой, но словно игрушечный мир, — и нажимай куда хочешь.

— И даже сюда? — показываю на красную в самом верху.

— Хочешь — да. Но все закончится.

— И я вместе с ними?

— Ты останешься. Ты да Я.

Глава 7. Темная боль

Мучительная боль пробегает по всему телу, словно в бреду, в горячке я бреду на его *“Иди сюда”*

и понимаю — я этого не хочу.

Но тело само шагает.

— Мне плохо, — срывается с губ.

В ответ тишина.

Внутри четкий голос без капли эмоций замечает:

— **Тебе больно.**

И безапелляционно добавляет:

— Иди сюда.

Он ударяет меня по лицу.

Черная тьма, никого не вижу, но по удару током догадываюсь, что это Он. Щеку жжет чертова метка, пульсирует, словно горит огнем.

Боль. Унижение хлещет в груди красно-фиолетовым потоком.

Больно. Не то чтобы от удара, сколько от обиды.

Не успеваю выдохнуть...

Удар.

Еще и еще.

С таким расчетом и силой, чтобы я упала и тут же встала, чтобы я начала драться.

Он вынуждает...

Заставляет меня разозлиться, пожелать идти против него. Он жаждет моего страха, злости, боли...

Но нет.

Мне нужно победить его на полном спокойствии, без капли волнения. Сжимаю пальцы в кулаки, медленно встаю — ноги не слушаются, руки безвольные, в груди словно камень...

Он дожидается, пока я встану и тут же бьет меня еще.

В очередной раз лечу, падаю на каменистый пол замка и, сплевывая изо рта кровь. В груди рождается обида, гашу ее и преобразовываю в мощной силы энергию и направляю на Него.

Мне бы устоять на ногах...

Руки висят по швам, но я все равно посылаю энергию — темную, отдающую золотом, но это золото не блестит. Оно матовое от запеченной крови моих предков.

Я Темная.

Но об этом не знает никто. Знакомые думают, что я такая же как и все. Простая, с даром, но с обычным, в роду были Темные, “но я в отца” — говорю им, и они верят.

Только вот я не в отца и даже не в мать.

— Мы знакомы давно, — говорит голос, — еще задолго до твоего рождения, — тычет в игрушечный мир, — и я жду твоего обещания.

— Ты его получишь. Бери.

Я закрываю глаза, он надвигается, чтобы взять свое — обещанное, то, что для него ценно, что по праву его.

Но я не дам.

Не выдам себя, всех тех, кто со мной, кто мне верит.

— Бери, — шепчу пересохшими от страха губами с корками еще не застывшей крови, — бери и беги.

Я угрожаю лежа на полу его замка, кажусь меньше, чем кошка, но страшней чем гепард.
— Бери!

Поднимаюсь. Ноги врастают в камень, в теле бурлит энергия. Я делаю взмах и тут же воспаряю над ним. Смотрю свысока, я его выше!

Трублю на весь мир, вдохнув воздуха килограммами, тоннами:

— **Беги от меня... Беги!**

И мир рушится на мелкие осколки, виски сжимает электричеством, тело — словно зажато тисками...

Я открываю глаза.

— Иии... Кто же танцевал вальс без пары?

Глаза Айрин бегают по всем присутствующим, ей так и хочется узнать кто же тут такой бедный, обделенный вниманием.

— Чур, не я, — выкрикивает девушка справа от меня, рядом с ней ухажер в современном дорогом камзоле, шитом явно на заказ для бала. Что же, надо же показать себя.

В комнате летает оса, садится на плечо соседнего кавалера — он пугливо ее смахивает, принимает дорогушим башмаком.

Смотрю.

Она в дикой предсмертной агонии трепещет лапками. Ей невыносимо... дико... страшно больно...

Уже про нее все забыли... Никто ее не видит кроме меня.

Все смотрят друг на друга, их интересует только одно — что они все по парам, и посмешище — конечно, я!

Оса заходится в предсмертной боли, корчится и я понимаю...

Надо помочь.

Быстро нажимаю на нее кончиком лаковой туфли и завершаю ее мучения.

Все.

В ее мире настала Вечная Черная Ночь.

Я оглядываюсь по сторонам. Все продолжаю глупый разговор, на меня кидают косые взгляды.

Я этого не вижу!

В их лицах четкая мысль: ты танцевала одна.

Но...

Со мной кто-то танцевал, только... Никого не видно. Десять парней — все стоят в кругу, к ним льнут их размалеванные девушки...

А я одна.

— Малышка Элоиза, — ядовито улыбается Айрин, — опять оказалась в одиночестве?

— Неправда. Все время пока темно — со мной кто-то танцевал. Только он вам ни за что не признается, — кидаю надменное в толпу и выхожу из зала.

Я-то все знаю.

Теперь пусть думают они. Я знаю, что каждая устроит своему парню допрос. Мне хоть и нет от этого пользы, но тем не менее... Так интересно пощекотать им нервишки, посмотреть на них... свысока.

Я давно не веду дневника. Как-то раз нашла его — страницы вырваны и сожжены, а пепел их у меня под подушкой.

Рози говорит, видела, что я самолично это сделала. Мол, она проходила мимо, шла за нянькой, заглянула ко мне и видела, как в моих руках языки пламени лижут страницы.

Но верить ли Рози? Ей всего пять лет. Младшая сестра не в меня, она как все — нормальная. Но часто видит что-то, что другим невдомек.

— Ты пришла с бала какая-то чужая, — ее ручонки обнимают мою талию. Освобождаюсь от ее рук. — Смотри! Я приготовила тебе коктейль, — взвизгивает малышка и протягивает мне алую жидкость.

— Боже, Рози, чья это кровь? — смотрю на нее, а внутри все предательски леденеет. Кто знает, может это еще не реальность, а все продолжается то дьявольское видение, сон.

Малышка макает палец в бокал и с удовольствием облизывает.

— Это компот, просто очень густой. На, попробуй, — смотрит мне в глаза и говорит так, словно не маленькая, а умная взрослая дама, — я же говорю, ты пришла с бала какая-то... сама не своя.

Глава 8. Кошки-мышки

Он проникает мне в мозг! И вчера почти проник, я случайно поддаюсь и даже позволила собой править, но...

Маленькая сестренка, моя малышка, она мой крошечный союзник — видит все.

И не молчит.

А мне давно надо понять, что Он управляет энергией, потоком, у него нет плотного тела, чтобы увидеть мир нашими глазами...

Поэтому он смотрит... Моими!

Смотрит на мир сквозь меня!!!

В ужасе кидаю бокал об стену, кровавая жидкость стекает на пол. Сестренка прижимает ладошки ко рту и испуганно смотрит на меня.

За что??

Ей-то за что?

Малышку Розы не надо пугать, но по-другому не могу, не получается. Он опять вселился в меня.

Опять.

Опять!!!

Он становится мной и начинает играть с этим миром в ужасные кошки-мышки, не пряча от своих жертв... мое лицо.

Это все она, — говорят потом, после случившегося.

Это все я, — говорит Он моим ртом и, бросив мое тело, воспаряет вверх.

Меня еще долго трясет от его игрищ, но я, наконец, в своем теле.

Кто ты? — задаю вопрос в пустоту, в ночное небо. Он должен... обязан мне ответить!

“Твой ангел” — шепчет внутренний голос и тут же срывается на демонический хохот. Дрожу от громогласного в башке ха-ха-хааа.

Глава 9. Боже Дай Сил Мне

— Элоиза, детка, к тебе Чарльз, — заглядывает ко мне мама.

Вздыхаю. О, боже, Вот Чарльза-то зачем принесло?

Он неуклюже заваливается в комнату, целует мою руку как в древние времена (что же вчера не пришел на бал? Хотя бы сделал вид, что у меня есть пара) и садится на стул.

Смотрит на меня.

— Мне не до тебя, прости, — собираюсь и выдумываю повод поскорее свалить из дома, — мне это... надо...

— Надо прогуляться?

Господи! Этот зараза умный, видит на ходу, что я просто валю.

— Прости. Я не хочу говорить с тобой...

— Я пришел по важному делу. Не просто же так, че ты какая... Элоиза, слушай, как смотришь на то, чтобы завтра поездить верхом на конях? Я знаю отличный конный клуб, уверен, тебе будет интересно.

— С чего ты решил?

— Я видел как-то на скачках, что ты была против таких игр. И решил, что...

— Что мне будет интересно скакать на бедных животных!

— Ну нет! Мы познакомимся с лошадьми, там можно их покормить и...

— Чего ты от меня хочешь, Чарльз?

— Честно?

— Давай признавайся.

— Любви.

— Хах, ну ты загнул. Иди почитай романтических книжек, где девушки скачут на конях и влюбляются в...

— Замолчи! Ты нравишься мне. Вот такая, с характером, с...

— С острым языком и гадким сердцем?

— Не угадала.

— Чарльз, я приму твоё предложение, но... сейчас, прошу, уйди.

Он достает смартфон и бронирует время на завтра.

— К десяти утра пойдет?

— Сдурел? Я сплю.

— Ну тогда после двух...

— Ну ладно, — выдыхаю, чтобы он хоть на сейчас отстал.

— Все, Элоиза. Завтра после обеда я тебя жду.

— Если че, обедаю я после трех.

— Ну я накормлю тебя обедом.

— Ох, как звучит грязно и похабно!

— Смотря о чем думать, — он тянется ко мне, хочет получить поцелуй и я позволяю ему до меня коснуться, чмокнуть в щеку и... сразу огрести по своей. Пощечину. Звонкую.

— Элоиза. Ты опять... эмм, как же, как же... беснуешься?

— Да, я бесноватая. Теперь ты понял про меня все?

— Меня этим не напугать. Я буду изгонять из тебя дьявола.

— Звучит похлеще чем в порно фильме. Поясни, каким образом?

— Ну смотри, за руки и ноги я привяжу тебя к кровати, естественно, голышом, и начерчу вокруг мелом круг.

Зеваю, закатываю глаза:

— Это уже пошло и адски банально.

— Не, ты не дослушала. Потом возьму член быка и рог единорога и...

— И я воткну их тебе в задницу, Чарльз!

Беру его под локоть и выпроваживаю из своей комнаты. Он успевает крикнуть вдогонку “Завтра к часу я приду за тобой”,

как я закрываю дверь на большую задвижку, как крупная щеколда. И кидаюсь тапком, снятым с ноги, в уже закрытую дверь.

В темпе бегу на кухню, чтобы достать винишко. Обычно я храню бутылек в своей комнате, но мама как видит — обязательно уносит подальше. И ничего, что я купила для себя специальную чарку — золоченую, с надписью “*Боже Дай Сил Мне*”, где заглавные буквы образуют горячую аббревиатуру и слегка палят меня...

Да, это я.

Ну-с, здравствуйте, — говорю глядя на себя в зеркало и вижу в отражении, как обратный зеркальный мир рукоплещет мне.

— Алло, узнаешь меня? — томный мужской голос, обычно я таких не терплю, но в этом что-то есть.

— Неа, ты кто?

— Подумай.

— Мне нечем думать. Извини.

Отнимаю от уха трубку, собираюсь положить, но в динамик на той стороне орут громко “Марк!”

Это же Марк, черт его за ногу.

— Чего тебе надо?

— Элоиза, ты не поверишь...

— Поверю. Но не дам.

— Слушай, Фредди набирает тусу на покатушки.

— На его новую яхту? — закатываю глаза, хоть Марк и не видит, пофигу, — похвастаться что ему подарил отец?

— Ну... ахаххах... наверное, да...

— И че? Ты пойдешь как баран?

— Ну че ты сразу.. Он зовет всех без донатов.

— А, типа хочешь бесплатно пожрать и посра...

— Ну, предположим, что да. Кстати, ты себя нормально после бала чувствуешь?

— Отлично. А че?

— Да не, не... Тут просто многих тошнило.. Да ладно, может, лишнего перебрали, — его голос становится наиграно легким.

— Конечно лишнего. Я же вообще-то не пью, — имею в виду при всех, когда одна дома — очень даже.

— Да-да, я тоже так думаю. Лишканули.

— Ну... И ты хочешь еще? Да и не за свой счет, а чтобы Фредди тебя накормил? Ну ты жлобина еще та...

— На трое суток. Че, не сильно-то он и обломится. Да я и не нажру столько...

— Ну ок. А я тут причем?

— Поехали с нами!

— А вы это кто?

— Ну пока я, Фаустина с подружкой...

— А, эта тупая пиздюшка...

— Я думал вы ваще-то дружите.

— Дружим. Как не дружить. Она берет у меня в долг, а потом ластится.

— Фаустина-то? У нее же вроде...

— Отец ее бьет и денег не дает. Не то что мой — вредничает, а деньгами набивает мои карманы.

— Ой, Элоиза, хватит понтоваться!

— А я то че! Мне ваще плевать!

— Ну так че?

— Не знаю. Подумаю.

— Думай. Даю тебе время до завтра.

— Не успею подумать. Сразу вычеркивай.

— Успеешь. Так, значит, завтра позвоню.

Торопливо кидаю “ну ок” и быстро, пока он не попрощался — кладу трубку. Вот больно надо мне выслушивать его “завтра после трех... пяти-шести... позвоню”. Завтра — так завтра, на этом все.

Наливаю вторую чарку вина, сажусь напротив зеркала, смотрю на свое отражение и молю Всевышнего — бога или дьявола: о, Боже Дай Мне Сил.

Глава 10. Ты только не пугайся

Иногда хочется провалиться к черту — спрятаться ото всех, чтобы никто не видел, при желании не нашел. И такое место у меня есть — после двух чарок вина под одеялкой: я при-
творяюсь спящей, ко мне никто не лезет и мне хорошо.

И сейчас именно так — накрываюсь одеялом с головой, прячусь и надеюсь провалиться так до тех пор, пока не придет мать. Отец-то — ерунда, он и не почует спиртного, он мне поверит, что это не вино, а новый парфюм.

А мать... Она строго следит, чтобы я ... “девушке неприлично”, “не замужем” и “строго по праздникам и то — по чуть-чуть”.

Иногда хочется выйти замуж чисто для того, чтобы выпивать сколько хочется винишка, валяться себе, не думать ни о чем и спокойно попивать винцо, глядя на то, как кривит губы мать. А че, я же замужем! Теперь мне все можно!

Утопия. Бред. Если и выйду назло — то только чтобы проучить этот голос, что сидит внутри меня. Говорят — девственницы энергетически сильны. И если я... эм... с парнем того, то этот голос от меня отстанет. И это хороший выход! Приятный, главное.

Но я пока не хочу.

— Эвоиза! — крик малышки-сестры, — Эвис... Ты где?

Она много раз находила меня якобы спящей, и спокойно говорила:

— Вижу, ты не спишь.

— Как ты поняла?

— Увидела.

— Как? У меня же закрыты глаза.

— Увидела, что не спишь!

На все вопросы “как” сестра отвечала простое — вижу. И меня это не удивляло, я многое вижу сама. Но... не дай бог Розе как и я — Темная, Опасная.

Опасностей в нашей семье хватит — одной меня всем за глаза.

— Эвоиза, вставай! Папа плехал!

Продираю глаза. Как, разве уже полночь? Отец?

Сестра будто слышит мои мысли:

— Папа слишком рано. Мамы дома еще нет. Есть только Анит, — ее нянька, которая с ней с рождения, — Эвис, Эвис, — канючит, тянет за рукав.

Со слипшимися глазами встаю, первым делом смотрю в зеркало — вдруг увижу там не себя — а потом бреду из комнаты вон. Вряд ли отец просто так приехал днем, в свое рабочее время. Как он оставит работников без присмотра? Они же все испортят и все, что можно съесть — съедят!

— Малышка, дорогая, — белое лицо отца, — ты только не пугайся. Я... приехал тебя защитить.

Глава 11. Что им надо?

Едва он это сказал, как тут же припарковываются четыре крутые машины, узнаю в них родителей однокурсников и моих знакомых девчонок и парней. Ну как знакомых — я знаю их имена, не более.

— Будь за мной, — говорит отец и встает так, чтобы я была за его спиной.

— Вот она! — Ричардсы вышли толпой из своей машины, похожие на тыквы мама и отец Айрин — девчушки-организаторши бала, — а вы знаете, что вашу доченьку по-хорошему бы сжечь!

Че они несут? Может, это все дешевые шутки их деток?

Отец закрывает меня чуть ли не спиной, говорит твердо, но я чувствую в его голосе дрожь:

— Давайте по факту...

— А давайте, — оранжевый ламборджини, из которого выглядывает знакомый мне папа Фаустины, — ваша дочка там была одна! Без пары, без никого, вот она и позавидовала...

Он почему-то сделал акцент на последнем слове и обвел взором присутствующих: уже шесть машин.

Мой отец пытается отвечать, но к разговору присоединяются уже третье:

— Подождите! Я говорю не с вами...

— А мы все приехали посмотреть на вас! Вернее, на вашу дочь!

— Нас много, Маф, а ты один!

Бедный мой папа даже не знает что ответить, стоит, защищает меня как может.

Один.

Была бы дома мать — выбежала бы и хоть встала бы на его защиту. То есть на мою. Но сейчас отца некому защитить.

Седьмая машина паркуется около нашего дома и я слышу оттуда, доносящееся в рупор:

— Мы все объявляем ей бойкот!

Шепчу отцу на ухо:

— А что вообще тут случилось? — кажусь себе героиней фильма ужасов.

Отец не отвечает, делает рукой короткий жест — потом.

Мне бы хоть знать в чем же дело, я бы может и дала им ответ. Иначе, как их отсюда убрать?

— А давайте решим вопрос честно, так сказать, правильно — справедливо, — лысый череп из оранжевого ламборджини гадко на меня смотрит, — она делает зло, значит, ей не место среди нас!

Не понимаю что вообще приключилось, но слышу эту полемику и понимаю: разговор принимает чертовски нехороший оборот.

— Вы не имеете право! — кричит отец, — я на вас...

— Давай-давай! Мы всем покажем и доказательства есть, кто такая твоя дочь.

— А она вообще твоя? — слышу ехидный голос отца Айрин.

Я хмыкнула. Даже внимания не обратила. Улыбнувшись, посмотрела на отца...

А он весь побелел, лицо стало ужаленным, обиженным в самое сердце, на щеках проступили красные пятна.

— Вот-вот, а защищаешь ее как свою.

В ушах гром. В сердце — разряды молнии. Что они хотели сказать этим?

В башке жуткий шум.

Не понимаю что происходит и вообще... Вижу как папа что-то говорит... Не слышу, сердце бьется так, что все заглушает. Я как глухой — вижу одну лишь картинку, беззвучное кино...

— Все, кто был на балу — слегли с опасным отравлением, — говорит отец, закрыв крепко окна и их занавесив, — че там у вас было?

— Не знаю. Я... я не пила, — вспоминаю разговор с Марком.

— Элоиза. Они всем скопом обвиняют в отравлении... тебя.

Отец долго что-то говорил, как через пелену до меня долетело, что “камеры показали, что ты в темноте подходила к бокалам и что-то сыпала из кармана. Судя по всему это был яд”.

— Но па...

— Дочь. Ситуация накаляется. Надо что-то с этим делать.

— К примеру...

— Дочь, я не знаю. Вечером придет мать и надо поговорить с ней. Может, ты на какое-то время уедешь.

— Но я же еще не закончила учиться...

— На летние каникулы. В сентябре — домой.

— И смысл?

— Они все позабудут.

— Думаешь?

— Надеюсь.

— А если...

— Вот не дай бог, — перебивает отец, — надо надеяться на лучшее и... — он смотрит на меня серьезно. Так смотрят на конченных ненормальных, — и тебе что-то с этим делать.

— С чем???

— С твоим даром, детка. Вот с чем.

Глава 12. Правда

Вечером пришла мать и первым делом спалила, что я пью вино.

А потом с ней поговорил отец. Машины к тому времени уже разъехались, за недостатком обвинений их разогнал обычный патруль.

Отец облегченно вздохнул, когда увидел пустую поляну у дома.

— Решено. Завтра ты уезжаешь в Грейндж к своей троюродной бабке.

— Ну мааам...

— Элоиза! Это может быть опасно!

— Опасно? Что?

— Все против тебя. Подумай, это действительно страшно.

— Ма, па, а как же вы?

— Мы переживем.

— Так они могут приехать и требовать меня.

— Я дам им отпор, — отец пытается говорить уверенно, но он него плохой актер.

Мать обхватывает голову:

— Нет, завтра нет, не получится. Завтра у меня на работе важный день. Я не смогу.

— Я тоже завтра критически занят.

— До послезавтра?

— Да, давай.

Смотрю на них, переводя взгляд то направо, то налево — слушаю, как они решают мою судьбу.

Грейндж — серый унылый город и вроде бы это хорошо, но... там практически нет дождей. Всегда солнце, ясная погода, практически нет ветров, каждый день — жара.

— Ненавижу, — говорю в сердцах, на душе повисает камень — черный, который обжигает сердце.

Влетаю к себе в комнату, хватаю припрятанный ремень — кожаный, толстый с большой пряжкой. Складываю вдвое, неудобно зажимаю в руке и наотмашь себя бью.

Раз. Два.

Ммм!

Боль с дикой силой стеганула меня по бокам, коленям, спине и животу.

Я неудобно схватила ремень и тяжелая железная пряжка больно впечаталась в палец. Так сильно, что на нем остался тоненький след.

Бросаю ремень, сажусь на диван, смотрю. Этот шрам так сильно напоминает...

Влетает сестренка, моя девочка, моя Роза, тянет ручки ко мне, обнимает и кричит запыхавшись:

— Эвоиза! Я с тобой!

Малышка Роза все это время подслушивала. Не дура, надо сказать, к своим пяти годам.

— Нет, милая. Ты останешься здесь и будешь слушать маму и папу, — говорю ей такие наставления, от которых меня саму коробит. Правильные. Надоевшие.

— Я-то буду. Но они сами себя не слушают, — и она тянет меня за ухо, требуя прильнуть к ее рту. Шепчет доверительно свой секрет:

— Папа шепотом сказал маме, что полностью уверен, что всех отравила ты. Я слышала, — кивает, хоть и маленькая, но смотрит на меня по-взрослому внимательно, — он так и сказал, что они правы, во всем виновата ты.

Решаю ничего не говорить отцу. Спасибо малышке, что все донесла дословно. Розы — умная для своих пяти лет настолько, что кажется, будто ей далеко не пять.

И, может, умнее было бы не доносить, типа крепче спишь и прочая лабуда. Но со мной это не работает. Если знаешь что говорят за моей спиной и не говоришь — ты для меня предатель, сомнений нет.

Грейндж мне как бы безразличен, могу умотать туда, если надо. я и там себя найду — не потеряю уж точно.

Но теперь дело не в этом. Значит, отец все же считает меня виноватой, просто скрывает от меня. Это уже нехорошо. Неприятно, как минимум.

Но он не знает всех подробностей. Он не так проницателен как Розы, моя пятилетняя сестра.

Глушу себя снотворным и ложусь поскорее в постельку. Раз вино все отобрали, что же — таблетки для сна мне в помощь. А как еще?

Я бы попила седативное, но мама мне не разрешает. Да и я не особо рвусь — во время сна этот голос внутри звучит еще ярче. Не каждый раз, конечно, но после четырех ночей на пятую, в среднем. А то и чаще, когда как.

Укутываюсь в постель и, закрыв глаза, обо всем забываю. Отпускаю этот чертов день так далеко, куда он только сможет уйти.

Глава 13. Верхом

Тренькает телефон, и я, не глядя, глушу его. Мало ли, может будильник сработал еще с учебных времен,— во сне кажется, что это возможно.

Сон. Он мне дороже всего на свете, потому что во сне — я живу.

Но в этот раз телефон оказался настойчивым — звенел пока я не взяла его руку.

Это звонок.

Чарльз. О, боже.

Что же он не пришел на бал? Сейчас лежал бы, отравленный, и уж точно не названивал, не будил.

Но нет! Мне придется с ним идти... Видеть чертовых людей, их мерзкие лица. Быть готовой, если они подойдут... Надо бы стащить у папы пистолет, взять с собой, на всякий случай.

Хотя идти с пистолетом на покатушки...

Нет, наверное, проще я не пойду. Вообще не пойду.

Чарльзу — от ворот поворот, сама спокойненько посижу дома. Меня здесь никто не трогает и так хорошо...

Но вместе с тем если не пойду — всем миром засчитают, что я зассала, сижу дома никуда не выхожу. Решат, что боюсь.

— Чарльз... — лениво протягиваю, отвечаю на его вопросы простым согласием, — да... да... да...

“Хочешь лошадок покормить?”

“А фоток хочешь? Закажем фотограф”.

“Потом поедем?”

Ездить мне, конечно, совсем не хочется, но сейчас уж покатаюсь, отдохну душой.

Чарльз ко мне с теплом, я это слышу. Что же, хоть один человек относится ко мне хорошо. Хоть и мне лень, но его надо беречь.

— Меня пригласили на яхту, отдохну в ближайшее время, — говорю Чарльзу и не спешу давать подробности. Кое-как удерживаю, чтобы лошадь шла шагом. Чувствую, ей так и хочется припустить.

Лицо Чарльза меняется:

— Эге...

— Да! Но я ненадолго к ним.

— К кому? Элоиза! Ты меня пугаешь. Кто у тебя с яхтой? Если ты собралась к незнакомым...

Его лошадь на шаг впереди моей, он оборачивается, заглядывает мне в лицо.

Усмехаюсь.

— Уймись, защитник хренов. К знакомым.

Меня завело это его наглое “кто у тебя?”. А то он меня знает! А то знает кто у меня есть, кого нет и у кого, лять, какая яхта!

Терпеть не могу, когда делают вид, что знают обо мне все! Беру поводья со всей силы и как заору “пошла”...

Знаю, что так с лошадью нельзя и лучше с животным быть вежливой, но сегодня ласковые слова — не мой конек.

Оставляю Чарльза позади, и сразу на душе хорошо — впереди простор, ветер в лицо! Жизнь — сплошное удовольствие! Но топот меня настигает:

— Подождиии...

О, нет!

Настырный.

Че ему стоит отстать?

Тяну поводья сильнее, лошадь летит так, как ни один конь на свете. По крайней мере так кажется, по ощущениям, скорость кружит башку, заставляет все внутри трепетать...

— Элооооиз...

Ветер красиво коверкает его голос, делает глуше, тише, но как будто шире. Кажется, Чарльз орет откуда-то с неба.

Хорошо, когда он далеко!

Поднимаю глаза, смотрю вверх — голубые просторы, где все спокойно и свободно, белые облака — как необходимая дань. Сегодня солнца нет, погода как я люблю, как мне нравится, а потому на душе сейчас так хорошо...

С галопа возвращаюсь на рысь, топот копыт настигает и я понимаю — сейчас начнется все сначала: Чарльз станет допытываться, лезть.

А значит, нужно что-то предпринять... Нужно что-то сделать...

Пронзительная тишина, голос внутри:

— Ты знаешь что.

Этот голос перекрывает все, звучит громче молнии и раскатов грома. Он тих, практически шепот, но для меня Он — это все.

Сами собой руки дергают поводья сильнее, лошадь начинает головокружительный галоп — этикие догонялки с Чарльзом, кто сильнее, кто кого догонит и перегонит.

Пока что пальму первенства удерживаю Я!

Что значит “пока”...

Я всегда впереди!

Я номер один, я первая!

Лошадь уходит в круг, что же, просторы большие — громадные поля, есть место где спрятаться, перевести дух в теньке, отдохнуть.

Скачу во всю прыть и чем дальше от Чарльза — уже ни топота, ни его голоса, ни духа — я плавно перехожу на рысь, потом на шаг.

В тени деревьев торможу и, с удовольствием, ложусь на травку. Лошадь ложится рядом, вижу, она тоже устала скакать как ненормальная. Что же, пусть отдохнет.

Кобыла встает, отходит на пару шагов, иду за ней и вижу упавшее дерево. Сломанное. Его бревно длиной с десятков метров не видно, оно притаилось в траве. Но возвышается прилично — даже при медленном аллюре такое опасно, его не видно, но оно высоко отстоит от земли — чуть меньше полуметра в высоту.

Переступаю через него и иду дальше. Немного отдохну, напитаюсь тишиной — и пойду назад, встречу Чарльза. В голове сразу вырисовывается план, что дальше мы — в кафе, там придется что-то есть, его слушать, смотреть на него...

А мне совсем не хочется...

Уж лучше бы Чарльз был такой же как все! Относился ко мне с гадством, а не вот это вот все!

В раздумьях посасываю кончик колоска и резко оборачиваюсь — мягкая земля в траве заглушила топот. Казалось, конь бежит где-то далеко, но Чарльз уже тут, в десятке метров, летит бешеным галопом...

Руками показываю крест, срывая горло ору:

— Тут пень! Пееееень...

...

Мой голос разносится небом, звучит в ушах, гудит в голове. Чарльз — как тонкая веточка взмахнул от тела лошади, открепился — как яркий цветок — и полетел вверх.

Он упал легко, на миг мне показалось, он сейчас встанет и рассмеется. Да даже не встанет, нет — энергично подскочит в духе “че это я разлегся тут...”

Но Чарльз лежит.

Я не могу подойти. Если подойду, увижу...

Сажусь на коня и убегая с молитвой “господи, пусть бы он остался живой”.

Глава 14. Кровавые осколки

Так, сейчас оставлю коня, спокойно покину конный клуб и пойду домой.

Боже.

Боже-боже-боже! Как я доеду одна...

И тут же становится стыдно за такие мысли.

Позор.

Чарльз лежит, возможно, мертвый, а я думаю только о себе...

Плывать как доберусь!

А вдруг... Вдруг он не умер? Вдруг умер, но... не до конца?

Ну ум приходит оса, ее предсмертная агония в зале для танцев. И то, как я ей помогла...

Я была должна!

И сейчас... В голове опять звучит тихий голос:

— **Элоиза... ты должна...**

Рука покорно нащупывает пистолет.

Крохотная сумочка. Дамская. По диагонали через плечо. А как еще, когда живешь в кругу врагов?

Едва слышу шепот, как тут же начинаю действовать:

— **Поверни назад. Ты знаешь. Ты должна.**

На ходу разворачиваю лошадь, чувствую, как к щекам прилила кровь.

У меня опять меняется все внутри. Краткий обморок, как потеря сознания, легкое головокружение, переходящее в жуткий страшный экстаз.

Сейчас мне станет хорошо... Будет приятно...

Сейчас...

Рука держит пистолет, я готова... В голове четкий план, сценарий. Не я его придумала, но мне — осуществить.

Теперь я знаю, Чарльз — живой, в измененном сознании многое понимаешь отнюдь не головой.

Лошадь переходит на рысь, минута превращается в секунду и вот уже я около бревна. Стою рядом, высокая трава скрывает то, что я могла бы увидеть. Пустой конь гуляет на отдалении...

Чарльз где-то здесь.

Спрыгиваю с лошади.

Стою.

Крепко. Пистолет. Сначала с предохранителя, потом затвор — все это помню как дважды два. Палец — как папа учил, на крючок и главное — правильно целиться.

Сначала целиться, потом стрелять.

Спокойно, без капли волнения поднимаю руку — так я готова... Не спасую, сразу как увижу — смогу...

Медленно иду по траве.

Бревно, пень.

Сердце отсчитывает удары и все кажется нелепой игрой — в казаки-разбойники или в прятки.

Рука с пистолетом вытянута. Я смотрю прямо.

Хочется как в детстве крикнуть:

— **Эй, Чарльз, выходи!**

Дома встречает отец, мать уже хлопочет на кухне.

— Ты больно долго, дорогая, все нормально?

— Да.

— Без приключений? — лицо мамы встревоженное, — мы даже с работы пришли раньше.

— Вижу.

— Ты че какая злая?

— А что мне за допрос?

Мать вспыхивает, отец тут же ее успокаивает и переходит на более миролюбивую тему:

— Ну как — на лошадях? Ты ведь не особо любитель.

— Ну покатались. Норм.

— А Чарльз? Почему ты приехала на такси?

— Он... уехал.

— Куда?

— Ему срочно.

— Что за срочность такая, если у вас свидание?

— Папа! — теперь вспыхиваю я, — Чарльз мне просто друг! Друг! Слышишь?

Ухожу из комнаты, хлопаю дверью и бегу к себе. Открываю тайник, где припрятана бутылочка виски и прикладываюсь прямо из горла.

Знаю, так нельзя. Это грубо и совсем не по-женски, но... Голос внутри нашептывает:

“Если хочется — то можно...”

... абсолютно все!”

— Нет, его здесь нет, — голос отца около моей двери. Он говорит по телефону и вот-вот зайдет.

Бегом к двери и успеваю закрывать щеколду прежде, чем он толкает дверь.

Стучится.

Ну уж нет. Я сплю. Детское время, девять вечера. Может, мне выспаться надо, может...

— Элоиза!

Голос отца спокойный. Пока спокойный.

Он разговаривает по телефону, но обращается ко мне:

— Когда ты видела Чарльза — он что-то говорил? Вот сколько придет домой?

Стук продолжается.

Боже. Время всего лишь девять. Десткое же. Может, он загулял. Пошел, не знаю, как бабе, или в клуб. А может, и то, и другое. Или напился и лежит.

Хотя Чарльз не такой, ясное дело, но все же он имеет право...

— Спит, наверное. Сейчас разбужу, — говорит отец в трубку и явно дает мне понять, что дело просто так не кончится, — Элоиза!!!

Его голос меняется на требовательный, страшный. Он положил трубку и теперь долбит в дверь кулаком, пинает ногой:

— Немедленно открой! Сейчас же! Иначе...

Я знаю его “иначе”, а потому быстро встаю, хватаю стул, забираюсь на него и за верхушку тяну шкаф — он падает верхней частью на дверь.

Бабах!

Следом — мой облегченный вздох.

Теперь ее никто не откроет.

Только с моего позволения.

Только если я захочу.

— Я все равно доберусь, — голос отца злой, — ты хочешь, чтобы я лез через окно?
Пап сильный, не спору. Ловкий.

Но лезть ко мне на второй этаж... Во-первых, стремянка шаткая, опасно, а во-вторых — не нагло ли?

За дверью становится тихо. Бросаюсь к окну — мне надо успеть предпринять...

Голос внутри придает мне уверенности:

— Ты на верном пути.

В саду бегают Розы, няня отвернулась — закрылась от солнышка, малышка подбегает к воротам: маленький заборчик, проще перепрыгнуть, чем искать ключ и отворять замок.

В одной руке лопатка, в другой — пустое ведро, желтое. Она что-то кричит няне...

Но к няньке подходит отец, она торопливо лезет в карман, вынимает ключ.

Ключ от кладовки! Он всегда у няньки, там уличные игрушки Розы — грязные, все в песке. Помню, мама ругалась, когда малышка таскала грязные лопатки в коридор и там складывала, хранила.

И теперь они в кладовке. Ключ от нее — у няньки Розы. Там же стремянка — длинная, метров десять, на ней без проблем можно...

... хоть до луны...

Розы сама по себе.

Черный кадиллак подкатывает к воротам. *Миг — и желтое ведро уже выброшено, как жало осы.*

Черное с желтым. Теперь оно слилось воедино. Розы даже не успела закричать...

В ужасе оглядываюсь, кидаюсь к шкафу — сама себя замуровала — беру бутылку от виски с толстым дном и со всей силы разбиваю окно.

Вдребезги.

Осколки.

С громким криком “Ааааа” вылезая в окно, окровавленной рукой угрожающе машу в сторону машины...

.... папа даже не видит...

... он на дороге даже не смотрит...

... его внимание на меня...

Осколок больно впивается в ногу и я кубарем лечу вниз.

Глава 15. Обманом

И я опять у Него.

В его доме.

В его замке.

Голова словно зажата в тиски.

— Что тебе надо, — говорю через боль, еле себя заставляю вымолвить слово.

Вместо ответа — в моих руках пульт и на экране три картинки:

— Розы бегает в саду, а в моей комнате отец размахивает кулаками

— Розы сожрана черным кадиллаком, и я с бутылкой в руках

И последняя — она разделена на две части и выделена в рамочку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.